

Профессиональное психологическое сообщество: чего только не бывает...

Эти отрывки воспоминаний в принципе никак не связаны между собой и в то же время взаимодополняют друг друга. В данном случае молодые, не жившие в «советское время» читатели, на основе этих «фотографий прошлого» смогут, прежде всего, в эмоциональном плане, прочувствовать атмосферу, царившую в те годы в профессиональном психологическом сообществе. Прочувствовать и сравнить с сегодняшним днем... Тогда и будет понятно, куда мы идем и к чему мы пришли.

Предательство: ориентиры и флюгеры

Одним из самых ярких воспоминаний из начала моей профессиональной жизни — первая научная командировка в Курск на Всесоюзную конференцию в 1979 году. Надо заметить, что поездка эта произошла буквально через месяц после того, как А.В. Петровского сняли с поста вице-президента АПН СССР. Из Москвы мы выезжали огромной компанией. Пожалуй, не меньше двух вагонов фирменного поезда «Москва-Курск» были сплошь забиты московскими психологами. В Курск приехали утром и сразу пошли в расположенную не так далеко от вокзала гостиницу с одноименным названием «Курск». По-видимому, в течение долгого времени именно она и являлась в городе центральной, наиболее престижной. В фойе гостиницы располагалась регистрационная комиссия, которая принимала и оформляла командировочные

удостоверения и при этом распределяла приехавших по номерам. Оказалось, что меньше года назад в Курске была открыта новая сверхсовременная гостиница — мотель «Соловьиная роща», который располагался недалеко за городом и который, безусловно, сменил гостиницу «Курск» на пьедестале городской престижности. Уже через полчаса «Икарус», стоявший у входа в гостиницу «Курск», именно туда повез наиболее почетных гостей конференции во главе с Алексеем Александровичем Бодалевым. Петровского в списке пассажиров не было, он остался с нами в гостинице «Курск».

На следующее утро началась конференция, началась с пленарного заседания в Курском пединституте. Актальный зал, длинный стол президиума на сцене, во главе стола — председательствующий, ректор Кабанов. Здесь необходимо особо заметить: в те годы очень жестко и тщательно контролировались все организационно-статусные нюансы проведения подобного рода мероприятий. Понятно, что и программа этой Всесоюзной конференции была заранее утверждена и распечатана. Так как подготовка к конференции осуществлялась еще до того, как А.В. Петровский потерял свой пост, именно он и был в программе заявлен как ее главное почетное лицо. Но к реальному началу конференции ситуация кардинально поменялась. Когда перед самым началом заседания А.В. Петровский пошел к столу президиума, чтобы, согласно записи в программе, занять свое место, ему преградил путь ректор Кабанов и в откровенно оскорбительной

форме указал пальцем на место в зале, с подбострастными поклонами и льстивыми улыбками пригласив в президиум А.А. Бодалева.

Я привел этот эпизод прежде всего для того, чтобы читателю стала понятна царившая в то время довольно напряженная атмосфера в психологическом сообществе. Дело в том, что в те годы во многом в связи с созданием Института психологии АН СССР во главе с Борисом Федоровичем Ломовым, переехавшим в Москву со своей командой из Ленинграда, вспыхнуло достаточно острое противостояние московской и ленинградской «школ». Ситуация усугублялась еще и тем, что Б.Ф. Ломову напрямую, практически открыто протезировал доктор философских наук Кузьмин (не путать с профессором Е.С. Кузьминым), насколько я помню, бывший референтом Секретаря ЦК КПСС Зимянина.

Справедливости ради надо сказать, что, несмотря и на открытую, и на «подковерную» борьбу в эти годы между Б.Ф. Ломовым и А.В. Петровским, в принципе они не были врагами и, что касается личного общения, ни один из них не опускался до грубости, взаимных оскорблений. Я сам неоднократно присутствовал при их общении и, если бы не знал об имевшем место противостоянии, по разговору мог бы расценить их отношения, конечно, не как приятельские, но как отношения давно знакомых друг с другом людей, работающих в одной сфере. Примерно такие же, во всяком случае, внешне, отношения были и между остальными крупными фигурами из московского и ленинградского «лагерей». Другое дело, поведение, безусловно, не всех, но, к сожалению, довольно многих психологов из регионов и не

только из регионов, но и из Москвы. Отвратительно здесь было то, что еще вчера усердно лебезящий перед вице-президентом АПН СССР какой-нибудь ректор, проректор, зав. кафедрой с лакейским подбострастием бросался доказывать свою верность новому хозяину положения, поливая грязью своего недавнего начальника, с наслаждением предавая его, стремясь понагляднее выслужиться и быть обласканным. Надо сказать, что Борис Федорович не был склонен к лести, и я неоднократно видел его брезгливую гримасу в ответ на неумные восхваления со стороны особо ретивых «перебежчиков».

В 1991 году, когда Ломова уже не было в живых, а А.В. Петровского Указом Президента РФ назначили президентом-организатором Российской академии образования, можно было наблюдать, как целый ряд тех же, правда, заметно постаревших предателей-прихлебателей отработывали номер в обратном направлении — с наслаждением поливали грязью сотрудников-друзей Ломова и пытались продемонстрировать Петровскому, что на прошлом этапе они были поистине «лишенцами», пострадавшими за инакомыслие и верность московской «школе». Ситуация повторилась еще раз, в 1997 году, когда на посту президента РАО А.В. Петровского странным образом, похожим на заговор и переворот, сменил имеющий крайне косвенное отношение к педагогике и никакого — к психологии Н.Д. Никандров. И опять — предательства, карьеристские потуги, лезть... Надо сказать, что часть персонажей дотянула до этих лет с «ломовских» времен.

Совершенно неожиданно для меня самого получилась какая-то череда низости, подлости и плебейства. Конечно же,

не в этом состоит история развития Академии, а в реальных научных достижениях ее членов, в поступках и деяниях, достойных уважения и гордости за российских ученых. Вспомнить истории неприглядного поведения некоторых представителей профессионального сообщества я считаю нужным, в первую очередь, для того, чтобы подчеркнуть: откровенные низость и предательство, к счастью, нередко наказуемы, во всяком случае, льстецы, подхалимы и бессовестные карьеристы удовлетворения своих мечтаний, как правило, не добиваются.

Приведу в качестве примера историю, начавшуюся на все той же Всесоюзной конференции 1979 года в Курске. Следует иметь в виду, что я тогда учился в Московском государственном педагогическом институте имени В.И. Ленина и там моим преподавателем психологии был некий доцент Некиреев. С ним я как раз и встретился на конференции. В перерыве между заседаниями мы разговорились и Некиреев с видом умудренного опытом политика от психологии начал меня поучать. Надо сказать, что свою кандидатскую диссертацию он несколько лет назад защитил не без поддержки именно А.В. Петровского и во времена «фавора» последнего неустанно везде и всегда подчеркивал, что он является учеником академика. Но в 1979 году, когда А.В. Петровского сняли со всех постов, зав. кафедрой психологии МГПИ им. В.И. Ленина, на которой работал Некиреев, профессор Просецкий превратился в одного из самых усердных лизоблюдов Бориса Федоровича Ломова. «Ты, Кондратьев, объясни своему Петровскому, что надо быть гибче, умнее. Вот мой Просецкий вовремя перестроился, сориентировался на Ломова, в доверие к нему вошел и сразу но-

вые возможности появились. Да и я, не будь дурак подсуетился, тоже не в накладе. Теперь и публикации, и подработки. Скоро докторскую защиту. Надо и Петровскому сориентироваться на Ломова. Смотришь, и у него все наладится», — менторским тоном вещал Некиреев. «Да невозможно это. Это вы со своим Просецким можете ориентироваться, а ни Петровский, ни Ломов ориентироваться не могут. Они как раз и есть те, на кого ориентируются, а не флюгеры никчемные», — ответил я. Оценка по психологии у меня в дипломе в результате так и не оказалась отличной. Но моральную компенсацию я получил: много лет спустя в 1994 году, когда уже защитил докторскую диссертацию, я оппонировал на какой-то защите в Психологическом институте РАО, а вторым оппонентом был кандидат психологических наук Некиреев.

Уверен, он тогда вспомнил наш разговор пятнадцатилетней давности. Наверное, подумал, что я правильнее, чем он, сориентировался, не понимая, что дело здесь не в попытке «поймать ветер», а в простой человеческой верности и преданности.

Учителей нельзя предавать

В начале 80-х годов прошлого века в НИИ общей педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО) предпраздничные дни 6 ноября и 8 мая ассоциировались с красными гвоздиками, шампанским и коробками шоколадного ассорти. Дело не в том, что сотрудники, воодушевленные близкими выходными, приносили именно этот набор на работу. Его выдавали в Особом отделе, который территориально размещал-

ся за комнатой отдела кадров. Выдавали сотрудникам Института, но не всем, а, как мы понимали, тем сотрудникам, которые сотрудничали еще и с Особым отделом, за которым, хоть и призрачно, просматривалось величественное здание на Лубянке. Каждый из таких «совместителей», кто открыто и даже гордо, а кто и потихоньку, почти украдкой, выйдя и Особого отдела, нес заветный набор в свою лабораторию — три красные гвоздички, бутылку полусладкого шампанского и коробку шоколадного ассорти. Удивительно, но сексоты (секретные сотрудники, конечно, внештатные) были отлично известны в Институте, и именно в связи с этими праздничными наборами. В лаборатории А.В. Петровского в предпраздничные дни в вазочке красовались девять гвоздик, а на столе лежали три коробки конфет и стояли три бутылки шампанского. Надо сказать, что всего в лаборатории было восемь сотрудников.

Когда в 1977 году я пришел на работу, в лаборатории заместителем заведующего был Роберт Семхович Вайсман, тогда кандидат психологических наук, старший научный сотрудник и при этом, как мы их тогда называли, один из «набороносцев». Нужно отдать должное Р.С. Вайсману — это был крайне собранный, целеустремленный, педантично аккуратный человек. Никто бы никогда не смог по внешнему виду догадаться, что за маской подчеркнутой холодно-надменной невозмутимости кипят неподдельные страсти и неумные амбиции. Помимо этого, отличительными чертами Р.С. Вайсмана были его удивительная ригидность и безграничная работоспособность.

Постепенно, к самому началу 80-х годов сложилась ситуация (в решающей степени усилиями А.В. Петровского),

более или менее благоприятствующая тому, чтобы Р.С. Вайсман вышел на защиту докторской диссертации. Он не отходил от Петровского ни на шаг, ловил каждое его слово, заискивал и льстил на каждом шагу, изображая самого преданного ученика, и добился того, что А.В. Петровский «продавил» ему защиту докторской в Академии МВД СССР. Здесь нельзя не остановиться на одном немаловажном моменте. Перед защитой Роберт Семхович Вайсман превратился, взяв фамилию своих жены и дочери, в Роберта Семеновича Немова. С этой сменой его «позывных» связана одна смешная история.

Дело в том, что в предшествующее время Р.С. Вайсман аккуратно, не пропуская ни одного года, публиковал в «Вопросах психологии» в год по статье. При этом в каждой своей статье он ссылался на все свои предыдущие. Помню, что практически сразу после смены фамилии у Р.С. Вайсмана, но уже под фамилией Немов, вышла очередная публикация в «Вопросах психологии». Понятно, что проблематика была той же — эффективность группы, да и ссылки в библиографическом списке традиционно не отличались разнообразием — Вайсман, Вайсман, Вайсман... Как раз в это время из Днепропетровска в Москву на встречу со своим куратором — Вайсманом — приехала Л.А. Сухинская. Еще не успев полностью войти в лабораторию, она в голос, оглушая и всех нас в комнате, и сотрудников Института, находившихся в коридоре, воскликнула, обращаясь к своему научному руководителю: «Роберт Семхович! Это же надо! Появился какой-то наглец Немов. Так он не только Вашу тему “захапал”, он, мерзавец, только на Вас в своей статье и ссылается, как

будто в жизни ничего другого не читал. Невежа!». Больше в лаборатории мы Сухинскую не видели, а Р.С. Немов так и продолжал ссылаться в своих публикациях на Р.С. Вайсмана как на классика.

Практически как только Немов защитил докторскую и она была утверждена ВАК, он вдруг, что называется, «с места в карьер» вступил в конфронтацию с А.В. Петровским, который, потеряв все свои посты, остался простым завлабом. Именно за эту лабораторию и начал бороться Р.С. Немов. Способ борьбы, я думаю, он не выбирал. Он использовал тот, который наиболее привычен и практически традиционен для всех «наборноносцев». На Петровского, а заодно и на меня посыпались наветные письма. Петровский, якобы, исповедовал идеи сионизма (благо писал об этом не Вайсман, а Немов), а я был обвинен в том, что, будучи аморальным типом, был допущен к работе в журнале «Вожатый». Помню, отбивались мы, как могли. И Р.С. Немов следующие лет десять вынужден был преподавать то ли в Южно-Сахалинске, то ли в Петропавловске-Камчатском. Потом я по случаю узнал, что он вернулся в Москву.

Наступил 1996 год и Галина Михайловна Андреева представила меня на получение звания члена-корреспондента РАО. Когда я увидел список вакантных мест и список претендентов, то был потрясен. На одно вакантное место члена-корреспондента по направлению «Социальная психология» было три претендента — помимо меня, это был профессор ЦГОЛИФКа Родионов и... Р.С. Немов. Когда прошли выборы и я счастливый шел в кабинет А.В. Петровского, чтобы отпраздновать с ним мое избрание, в коридоре меня остановил В.А. По-

номаренко, академик РАО, генерал-летчик, открытый, смелый, очень честный человек, замечательный психолог. Несмотря почти на детское счастье от того, что меня избрали, я был несколько растерян, потому что получил на несколько голосов больше, чем изначально рассчитывал. Что касается В.А. Пономаренко, то он никак не «приятельствовал» с А.В. Петровским и, несмотря на то, что мы были с ним хорошо знакомы по Экспертному Совету ВАК РФ, я был уверен, что он проголосовал против меня. «Ты что такой растерянный? Голосов что ли больше, чем думал, получил?». «Да, даже не пойму, почему так много “за”», — ответил я. «А я за тебя голосовал», — усмехнулся Пономаренко. Я настолько опешил, что не «член-коррски» глупо выпалил: «А зачем?». В.А. Пономаренко вздохнул, как бы сожалея о моей недогадливости: «Ну, не столько за тебя я голосовал, сколько против Немова. Учителей предавать нельзя!».

Думаю, что и остальные доставшиеся мне «дополнительные» голоса были не столько «за» меня, сколько «против» Немова. «Учителей предавать нельзя!» — так считали эти члены Академии и, даже не любя А.В. Петровского, проголосовали против когда-то его предавшего Немова.

Не совсем психология, но интересно

Сегодня на телеэкране, пожалуй, нет более раскрученной темы, чем об экстрасенсах, ясновидящих, целителях. Подобная «клубничка» привлекает внимание и старых, и молодых, обеспечивает телеканалам высокие рейтинги и морочит го-

ловы телезрителям, отвлекая их от настоящих проблем и мыслей о необходимости целенаправленно и самостоятельно добиваться реальных социально значимых целей. В советское время ситуация выглядела совершенно по-другому. Вопросы, связанные с экстрасенсорикой, практически официально не обсуждались, во многом рассматривались как надуманная мистика, более того, как нечто близкое мошенничеству. По сути дела, именно так эти вопросы презентировались властью для широких кругов населения. В то же время, если говорить об экстраординарных возможностях и способностях человека, известные советские спецслужбы более чем отчетливо проявляли государственный интерес к этому ресурсу. Надо сказать, что, помимо непосредственной включенности научных подразделений спецслужб в курирование данного предметно-проблемного «поля», профессиональное научное сообщество, безусловно, в жестко регламентированном, ограниченном варианте также привлекалось к исполнению экспертной роли в отношении вопросов, связанных с экстрасенсорными проявлениями личности. Понятно, что в этом плане в стороне не остались профессиональные психологи и АПН СССР.

Одной из наиболее известных экстрасенсов того времени была некто Роза Кулешова, довольно молодая малообразованная женщина, демонстрировавшая удивительную способность читать печатные тексты практически любой частью своего тела. Куратором этого проекта под названием «Роза Кулешова» «сверху» был назначен вице-президент АПН СССР А.В. Петровский. Здесь стоит отметить, что Артур Владимирович мало того, что был человек осторожный,

недоверчивый ко всякого рода чудесам и «непоняткам», не имеющим научно верного объяснения, но еще был и человек удивительно ответственный. Он великолепно понимал, что существуют люди, обладающие способностью чувствовать качественно более остро и тонко, чем это бывает в норме. Именно эту способность он и считал экстрасенсорной. Поэтому, что касается Розы Кулешовой, то он предполагал: она тактильно способна фиксировать неровности на бумаге, возникающие при печатании текста.

С тем, чтобы продемонстрировать, каким образом отчетливо материалистически А.В. Петровский относился ко всему непознанному и как он не был склонен к объяснениям, основанным на непроверенных домыслах, приведу в качестве примера один наш с ним разговор. Уже не помню, в связи с чем я пристал к Петровскому с вопросом о том, верит ли он в НЛО. Он с усмешкой посмотрел на меня и заявил: «Я, как никто, уверен, что НЛО существуют. Давай разберемся. Итак, что-то пролетело и ты это явственно видел. Что это было, ты не опознал, но оно именно летело. Летело и не разговаривало. Вряд ли можно утверждать, что это субъект. Значит, объект. Получается, неопознанный летающий объект был. Правда, причем здесь инопланетяне, не понимаю».

Возвращаясь к феномену Розы Кулешовой, заметим, что история его зарождения и развития, по вполне устойчивым во времени слухам, тоже как бы подтверждает совершенно материалистическую природу ее исключительных способностей. Согласно этим слухам, Роза Кулешова, закончив восемь классов, покинула школу и через некоторое время устроилась работать ночной дежурной в интернат

для слепых. Мечтой Розы было поступление в техникум, но училась в школе она неважно и надежды обычным путем сдать вступительные экзамены у нее не было. Как вспоминала сама Роза Кулешова, она все же никак не могла отказаться от мечты и решила к вступительным экзаменам подготовить глобальную систему шпаргалок. Но очень боялась попасться. И тут ее осенило. В интернате для слепых, где она работала, вся учебная литература была с использованием азбуки Брайля — книжные листы были заполнены не печатными буквами, которые слепые воспитанники все равно не могли бы видеть, а выпуклыми, легко тактильно фиксируемыми проколами — дырочками. Роза поняла, что, если шпаргалки будут написаны таким «языком», поймать ее экзаменаторам будет нереально. Как раз в процессе обучения азбуке Брайля, Роза Кулешова неожиданно для себя, как она утверждала, выяснила, что руками она способна распознавать не только выпуклые проколы на твердой бумаге, но и обычные печатные знаки в обычных книгах. Именно с этого и началась карьера Розы как экстрасенса.

Несколько раз я присутствовал на испытаниях экстрасенсорных способностей Розы Кулешовой. Помимо меня, которого А.В. Петровский как главный контролер и гарант чистоты эксперимента взял с собой в качестве ассистента, здесь присутствовали двое каких-то никому из нас не известных «психолога в штатском», три профессиональных психолога-наблюдателя, протоколирующие происходящее, и фельдьегер в удивительно красочной с аксенбантами форме, который должен был после окончания испытаний доставить завизированный А.В. Петровским и наблюдателями протокол по на-

значению — то ли в ЦК КПСС, то ли в КГБ. Кроме него никто не знал, куда именно, но явно не туда, куда нам самим хотелось бы быть вызванными.

Помню, в один из дней испытаний, Роза Кулешова должна была читать ногой в чулке и «пятой точкой» через юбку. Книгой, с которой таким экстравагантным образом она должна была ознакомиться, почему-то была монография Б.М. Теплова. Под пристальными взглядами наблюдателей Роза, старательно водя ногой по странице, а затем, аккуратно елозя «пятой точкой» по лежащей на сиденье кресла раскрытой книге, практически по слогам дважды прочитала по абзацу текста. Сразу вслед за этим А.В. Петровский, наблюдатели и «психологи в штатском» подписали составленный протокол эксперимента, заклеили конверт с ним под присмотром фельдьегера и последний быстрым шагом покинул помещение.

Артур Владимирович наконец успокоено вздохнул: «Ну, все...». Кивнув всем, он облегченно двинулся к двери. В это время послышался голос Розы Кулешовой: «Артур Владимирович. Я Вас сейчас догоню!». Мы с Петровским вышли в коридор и направились к нашей лаборатории. Пока шли, он успел сказать мне: «Ты знаешь, она почему-то ко мне очень тепло относится. А я все не могу поверить. Понимаю, что она и правда это делает, а поверить не могу». Нас догнала Роза и заговорщицки прошептала: «Артур Владимирович, я их обманула!». Петровский побледнел. Я себе представил, как в его голове пронеслось: «Фельдьегер, наверное, уже доехал». «Как обманули», — тоже шепотом произнес он, обращаясь к Кулешовой. Доверчиво улыбаясь, она в ответ подели-

лась: «У меня в чулке была дырка, а юбку я, садясь, приподняла». Повернулась и пошла по коридору в экспериментальную комнату за вещами. Мы с Артуром Владимировичем застыли в коридоре, глядя ей вслед, а потом почти побежали в лабораторию. Как мы хохотали тогда, ворвавшись в пустую комнату.

Испытания Розы Кулешовой не случайно проводились в НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР. Директор Института, В.В. Давыдов был человеком неординарным, порой импульсивным, даже экстравагантным и при этом предельно творческим и креативным. Во времена своего повторного директорства, когда Институт уже назывался Психологическим, академик В.В. Давыдов «приютил» здесь таких «непростых» философов, как Михайлов и Щедровицкий-старший, уникального психолога-«заиколога» Юлию Некрасову, авторов метода «подводных родов» и целый ряд других, если так можно выразиться, крайне авангардных ученых. Да и в те годы, когда проходили испытания Розы Кулешовой, у В.В. Давыдова в НИИ общей и педагогической психологии в качестве завлаба работал замечательный человек, выдающийся ученый Вениамин Пушкин.

Помню, в лаборатории Петровского (я был тогда лаборантом) сидели Артур Владимирович, Давыдов и Пушкин. Василий Васильевич и Пушкин говорили о телепатии, телепортации и о других чудесах, Петровский почти с испугом переводил взгляд с одного на другого. Выбрав случайно возникшую в их диалоге паузу, А.В. Петровский с нарочито скептической усмешкой вклинился в разговор: «А знаете, я тут слышал, что пациент в Свердловске выпивает “заряженную” экстрасенсом

в Сочи воду и она действует». «Артур Владимирович. Вы меня удивляете. Это общеизвестный факт...», — и Пушкин добавил какое-то мудреное паранаучное название. Петровский подхватился и почти выбежал из лаборатории. Я — за ним. В коридоре Артур Владимирович остановился и, повернувшись ко мне, произнес блестя какими-то веселыми радостными глазами: «Правда, интересно!». И добавил: «Ученые! Настоящие!».

В этом сомнений не было. Никаких. Нет сомнений и сейчас. Жалко, то время ушло! Главное, чтобы ученые появились. Такого масштаба.

Ваковская улыбка

Сегодня ВАК РФ — один из департаментов Министерства образования и науки, а в советское время (кстати, и в начале 90-х годов уже в новой России) ВАК был Высшей аттестационной комиссией при Совете Министров. Но смешные истории, как показывает жизнь, случаются в любых учреждениях вне зависимости от их статуса.

Руководителем ВАК СССР были чиновники, что называется, министерского ранга. Так, одно время председателем ВАК СССР был министр Елютин В.П., человек жесткий, почти авторитарный, но по-своему справедливый и, главное, крайне серьезно и ответственно относящийся к своим «ваковским» обязанностям.

И сегодня-то вызов в Экспертный Совет ВАК РФ того или иного соискателя кандидатской или докторской степени — событие, вгоняющее в трепет любого диссертанта, научного руководителя или председателя диссертационного совета. Представить себе трудно, что испы-

ывали в советские времена аспиранты или докторанты, которых после защиты диссертации зачем-то вызывали в ВАК. А если вызывали непосредственно к председателю ВАК — подумать страшно. Ведь явно не затем, чтобы поздравить. Если вызывают, значит, возникли сомнения, значит, придется на таком уровне обосновывать свою позицию, отстаивать свое право на ученую степень.

Ходят слухи (и по своей долголетней устойчивости они очень похожи на правду), что однажды Председатель ВАК Елютин вызвал недавно защитившего докторскую диссертацию доцента какого-то одного из дальневосточных институтов непосредственно к себе на прием. При этом, когда соискателя вызывают на заседание Экспертного совета, до его сведения доводятся те претензии, которые и спровоцировали вызов «на ковер», а чаще всего посылаются еще и конкретные вопросы, которые ему будут заданы. На этот раз, кроме самого вызова, никаких сопроводительных бумаг не пришло и это, понятно, не добавило уверенности несчастному доценту.

Билеты на самолет с Дальнего Востока тогда, как правило, не оплачивали —

слишком дорого, и трясущийся от ужаса вызванный на московскую экзекуцию диссертант суток десять добирался до столицы на поезде. Утром на негнущихся ногах он пришел в Министерство, вошел в роскошную приемную, представился секретарю и был практически сразу впущен в кабинет министра. Там, в глубине кабинета, у дальней стены за массивным столом сидел Елютин. Доцент застыл у дверей и лишь через несколько мгновений решился на первый шаг по ковровой дорожке. Но не успел он пройти и трех метров, как был остановлен голосом министра: «Вы утверждены доктором наук». От неожиданности у доцента прорезался голос: «А зачем же Вы меня вызывали?». «Хотел посмотреть, похожи Вы на доктора наук. Похожи», — был ответ.

Говорят с поезда на Дальнем Востоке новоиспеченного доктора наук практически вынесли в бессознательном состоянии. Был он тогда похож на доктора наук или нет — об этом история умалчивает.

М.Ю. Кондратьев,
доктор психологических наук,
профессор, член-корреспондент РАО

Professional Psychological Community: Those Were the Days...

M. YU. KONDRATYEV

Doctor in Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, professor at the Moscow State University of Psychology and Education

These recollections are barely connected with each other, and yet somehow seem to fit together rather well. With these "photographs from the past" our young readers, free from personal experiences of living in Soviet times, are offered a chance to feel from the inside the atmosphere that existed in the professional psychological community of those days. To feel, and to compare it with the present day... And perhaps reflect a little on where we are heading and what we have become.